

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

DOI: 10.31857/S086919080006798-4

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РУКОПИСИ Г. И. КАРПОВА
ПО ЭТНОГРАФИИ ТУРКМЕНОВ В РОССИЙСКИХ АРХИВАХ¹

© 2019

О. И. БРУСИНА^a, О. Б. НАУМОВА^b,
М. Ю. РОЩИН^c, Л. Т. СОЛОВЬЕВА^d^{a, b, d} – Институт этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия^c – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^a – ORCID: 0000-0003-0134-975X; brusina@inbox.ru^b – ORCID: 0000-0002-1915-3862; olganaumova@mail.ru^c – ORCID: 0000-0003-2804-4753; easterntraveller@mail.ru^d – ORCID: 0000-0001-8550-3122; lubsolov@gmail.com

Резюме: В статье описаны и проанализированы неопубликованные рукописи выдающегося этнографа-туркменоведа, государственного деятеля Г. И. Карпова (1890–1947), обнаруженные авторами в Научной библиотеке МГУ (рукопись кандидатской диссертации «Этнический состав туркмен». Ашхабад, 1942) и в Научном архиве МАЭ РАН (в частности: «Вакуфы» (исследования и документы). 1937–1939; «Там, где было царское имение. К истории колхоза “Большевик”, Байрам-Алийского района ТССРеспублики», 1934), в личном архиве д.и.н. Ш. Х. Кадырова (копии дел из Центрального государственного архива партийных документов Туркменистана, в частности доклады и материалы по казахско-йомудскому конфликту и по борьбе с бандитизмом 1923–1924 гг. под грифом «совершенно секретно»). В найденных архивных документах содержатся уникальные сведения по различным аспектам этнографии и социальной истории туркмен, которые Г. И. Карпов собрал в ходе крупномасштабных полевых исследований.

Обнаруженные рукописи Г. И. Карпова позволяют проследить становление этого человека, прошедшего путь от простого работника и солдата до видного государственного деятеля, а затем до выдающегося ученого. Находясь на высших постах в руководстве Туркменской Республики, Г. И. Карпов быстро осознал, что строительство советского государства невозможно без глубоких знаний в области истории и этнографии народа, без понимания его социальных и правовых институтов и родоплеменных отношений. Именно этим вопросам ученый посвятил свои научные исследования. Вклад Г. И. Карпова в науку велик: начиная с середины XX в., без ссылок на его труды не обходится ни один серьёзный историк или этнолог, пишущий о туркменах и Туркменистане. Проблемы, над которыми трудился Г. И. Карпов, остаются актуальными с точки зрения понимания и прогнозирования социально-политических процессов в современном Туркменистане.

Ключевые слова: туркмены, родоплеменная структура, межэтнические отношения, история этнографии, Г. И. Карпов.

Для цитирования: О. И. Брусина, О. Б. Наумова, М. Ю. Рошин, Л. Т. Соловьева. Неопубликованные рукописи Г. И. Карпова по этнографии туркмен в российских архивах. *Восток (Orient)*. 2019. № 5. С. 218–233. DOI: 10.31857/S086919080006798-4

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00701.

UNPUBLISHED MANUSCRIPTS BY GEORGY I. KARPOV
ON THE ETHNOGRAPHY OF TURKMEN PEOPLE
IN RUSSIAN ARCHIVES

© 2019

Olga I. BRUSINA^a, Olga B. NAUMOVA^b,
Mikhail Y. ROSHCHIN^c, Lubov T. SOLOVYEVA^d^{a, b, d} – Institute of Ethnology and Anthropology, RAS, Moscow, Russia^c – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia^a – ORCID: 0000-0003-0134-975X; brusina@inbox.ru^b – ORCID: 0000-0002-1915-3862; olganaumova@mail.ru^c – ORCID: 0000-0003-2804-4753; easterntraveller@mail.ru^d – ORCID: 0000-0001-8550-3122; lubsolov@gmail.com

Abstract: The article describes and analyzes the unpublished manuscripts by the outstanding ethnologist of Turkmenistan, statesman Georgy I. Karpov (1890–1947). The documents were discovered by the authors in the Academic library of Moscow State University (manuscript of the candidate thesis in history “Ethnic composition of the Turkmen”. Ashgabat, 1942), in the Academic archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (in particular: “The Waqf” (studies and documents). 1937–1939; “Where the Tsar’s Estate Was. A History of the Kolkhoz “Bolshevik”, Bayram-Aly District of the Turkmen Soviet Republic”, 1934), in the personal archive of a later scholar Sh. Kadyrov (copies of cases from the Central State Archive of Party Documents of Turkmenistan, in particular, the reports and materials on the Kazakh-Yomud conflict and struggle against banditry in 1923–1924 classified as “top secret”). The discovered archival documents contain unique information on various aspects of ethnography and social history of Turkmen, collected by Georgy I. Karpov during large-scale field research. These documents allow us to trace the formation of this man, who began as a simple worker and a soldier and finally became a prominent statesman, and then an outstanding scholar. Holding the highest posts in the governing body of the Turkmen Republic, Georgy I. Karpov quickly realized that the construction of the Soviet state is unthinkable without deep knowledge of history and ethnology, without understanding of the social and legal institutions and tribal relations. The scholar devoted his research to these issues. A scientific contribution by Georgy I. Karpov is significant: since the mid-twentieth century, any serious historian or anthropologist, writing about the Turkmen and Turkmenistan, necessarily cites his works. The problems Georgy I. Karpov worked on are still relevant for understanding and forecasting of social and political processes in modern Turkmenistan.

Keywords: Turkmen, tribal structure, intertribal and interethnic relations, history of ethnography, Georgy I. Karpov.

For citation: Brusina O.I., Naumova O.B., Roshchin M.Y., Solovyeva L.T. Unpublished Manuscripts by G. J. Karpov on the Ethnography of Turkmen People in Russian Archives. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 5. Pp. 218–233. DOI: 10.31857/S086919080006798-4

В задачу авторского коллектива входят поиск, выявление в архивах неопубликованных рукописей выдающегося этнографа и историка Г. И. Карпова. Основной массив материалов Г. И. Карпова находится в г. Ашхабаде: в Центральном государственном архиве Туркменистана, в Центральном государственном архиве партийных документов (ЦГАПДТ), а также, возможно, в Институте археологии и этнографии, в Институте истории Академии наук Туркменистана; доступ к этим архивам затруднителен. Однако вторые экземпляры некоторых рукописей Г. И. Карпова были обнаружены авторами в архивах Москвы (Московский государственный университет) и Санкт-Петербурга (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), кроме того, копии архивных документов из Центрального государственного архива партийных документов

Туркменистана (Ашхабад) найдены в личном архиве Ш. Х. Кадырова², в Москве. В данной статье впервые описываются хранящиеся в российских архивах неопубликованные труды Г. И. Карпова, анализируется их значение для исторических наук о туркменах и Туркменистане.

Георгий Иванович Карпов (1890–1947) – известный туркменовед, партийный и государственный деятель. В 1920–1930-х гг., будучи на высоких должностях в правительстве Туркмении, Г. И. Карпов занимался социальными проблемами населения, участвовал в разрешении межэтнических и межплеменных конфликтов. Он часто выезжал на места, знакомился с культурой и бытом туркменов, проводил обследования населения и постепенно стал организатором исторической науки в Туркмении.

Как член правительства Туркменской ССР, будущий ученый пользовался возможностью проводить масштабные полевые исследования в республике. Он собрал обширный материал, публиковал результаты в виде статей и мини-монографий, которые содержали уникальные сведения по этнографии и истории туркменов. Подробно разрабатывал тему родоплеменного состава и численности отдельных групп туркменов, которая стала основной для его исследований проблем этногенеза, этнической истории и социальных отношений как отдельных племен (народностей), так и всего туркменского народа. Его работы по своей источниковой базе, по объему подробной информации представляют огромную ценность, однако преобладающая часть его трудов до сих пор не опубликована, в том числе его кандидатская диссертация (1942 г.), посвященная родоплеменной структуре туркменов. По оценкам С.М. Демидова, рукописный фонд Г. И. Карпова в библиотеках и архивах насчитывает более полутора сотен папок [Демидов, 2003]. Вклад Г. И. Карпова в науку велик: начиная с середины XX в. без ссылок на его труды не обходится ни один серьёзный историк или этнолог, пишущий о туркменах и Туркменистане. После него не предпринимались подобные комплексные и системные исследования родоплеменной структуры туркменов, другие этнографы и историки ссылались именно на его работы. Проблемы, над которыми трудился Г. И. Карпов, остаются актуальными с точки зрения понимания и прогнозирования социально-политических процессов в современном Туркменистане.

В советское время деление туркменов на племена признавалось пережитком прошлого, препятствующим консолидации народа. Этим можно объяснить то, что большая часть работ и материалов Г. И. Карпова осталась неопубликованной. Нынешний авторитарный режим в Туркменистане тем более не одобряет подобных исследований. Публикации на эту тему не допускаются, если не вписываются в официальную версию туркменской истории, изложенную в книге «Рухнама». При этом в Туркменистане, как и в других среднеазиатских республиках бывшего СССР, наблюдается актуализация трайбализма, межклановой борьбы за доступ к власти и ресурсам.

Тем не менее, начиная с 1940-х гг. практически все специалисты по истории и этнографии туркменов использовали работы и материалы Г. И. Карпова. Этнологи разрабатывали поднятые им проблемы этногенеза и этнической истории. Специалистам по этнической культуре эти материалы помогали обозначить своеобразие различных туркменских народностей и регионов (см., например: [Винников, 1977; Васильева, 1977 и 2003; Нурмухамедов, 1979; Джикиев, 1977; Басилов, 1968; Демидов, 1976; Бабаджанов, 1982; Дурдыев, 1988; Ботяков, 2002; Кадыров, 2003, 2009 и др.]).

² Шохрат Ходжакович Кадыров (1954–2016) – советский и российский ученый, специалист по истории, этнологии, демографии туркменов и других народов Центральной Азии, доктор исторических наук. Родился, учился и работал до 1993 г. в Ашхабаде, где и копировал документы из архивов Туркменистана. В 2009–2016 гг. – ведущий научный сотрудник ИВ РАН.

Несмотря на огромную востребованность среди специалистов трудов Г. И. Карпова, публикаций, посвященных творчеству и научному наследию этого ученого, почти нет. О его вкладе в науку написали в некрологе М. О. Косвен и С. П. Толстов [1947]. Несколько страниц посвящены этому выдающемуся ученому в книге Г. П. Васильевой [2003, с. 76–78]. С. М. Демидов собирал материалы о Г. И. Карпове и подготовил монографию, ее краткое изложение содержится в статье «Г. И. Карпов – историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана» [Демидов, 2001]. Д.и.н. Ш.Х. Кадыров углубленно изучал находящийся в Ашхабаде архив Г. И. Карпова, скопировал большое количество его рукописей, в том числе материалов с грифом «совершенно секретно» из ЦГАПДТ, открытых в 1991 г. В своих книгах он опирался на неопубликованные рукописи и секретные докладные записки Г. И. Карпова [Кадыров, 2003 и 2009]. В своей книге «Российско-туркменский исторический словарь» Ш.Х. Кадыров поместил статью о Г. И. Карпове [2001, с. 178].

В научном архиве МАЭ РАН авторами статьи обнаружен 2-й экземпляр машинописной автобиографии Г. И. Карпова, датируемый 1939 г. [Архив МАЭ РАН, ф. К-V, оп. 1, д. 542, л. 1–7]. Из текста видно, как этот выдающийся человек с 4-классным образованием стал сначала видным государственным деятелем, а затем постепенно сформировался в этнографа и историка. Он родился в с. Караваинке Царицынского уезда Саратовской губернии³, закончил сельское четырехклассное училище, в 14 лет пошел работать, а в 17 лет перебрался в г. Наманган Туркестанского края, откуда был призван в армию. После революции 1917 г. началась карьера Г. И. Карпова как государственного деятеля. В 1920-х гг. он занимал должности председателя Исполкома Туркменской области Туркестана, зам. наркома НКВД ТССР, отв. секретаря и члена Президиума ЦИК ТССР. По совместительству с 1923 по 1927 г. возглавлял комиссии или был уполномоченным по ликвидации казахско-йомудского конфликта, по делам белуджей и русских поселков, по конфликтам в связи с переходом белуджей и джемшидов границы с Ираном, по ликвидации «бандшаек», по обследованию кишлака и аула ТССР, по реэмиграции туркмен из Афганистана, по делам нацменьшинств, по коренизации госаппарата ТССР. В ходе изучения этих вопросов, связанных с национальными проблемами, Г. И. Карпов обследовал местное население и писал докладные записки, содержащие ценный этнографический материал. За 5 лет он из управленца-практика превратился в ученого-полевика и стал заниматься исторической наукой. С 1926 г. возглавил Историко-краеведческий Комитет, с 1928 г. – Институт туркменской культуры, стал одним из основателей научного журнала «Туркменоведение». В 1929 г. утвержден членом секции научных работников (Москва), вошел в редколлегию энциклопедии ТССР, с 1933 г. стал работать в Институте истории ТССР, а в 1936 г. стал его директором. В 1937 г. освобожден от обязанностей Секретаря ЦИК и назначен зав. сектором этнографии Института истории. В Автобиографии не сказано, что в марте 1938 г. Г. И. Карпов был арестован и провел в тюрьме девять месяцев. После освобождения восстановлен в должности директора Института, а с государственной службой расстался навсегда [Демидов, 2001, с. 61–64].

В личном архиве Ш.Х. Кадырова есть копии докладных записок Г. И. Карпова, стенограмм правительственных совещаний с его участием, написанных в период его государственной службы. Наибольший интерес по данной теме представляют два объемных дела. В деле «Протоколы заседаний, доклады и переписка о борьбе с национальной рознью, о территориальном размещении нетуркменских племен и об охране границы. (Совершенно секретно). 06.03.1923–13.12.1923» [ЦГАПДТ, ф. 4, оп. 1, д. 668, 1923 г., л. 1–

³ Ныне Дубовского района Волгоградской области. Интересно отметить, что в автобиографии вместо Саратовской ошибочно указана Царицынская губерния, которая существовала только в 1918/19–1925 гг. (см.: [Минх, 1900, т. 1, с. 465–470; Арчебасова, 2017]).

137] содержатся материалы Комиссии по ликвидации казахско-йомудского конфликта, председателем которой был Г. И. Карпов. В стенограмме Протокола № 7 заседания ответственных работников 30 мая 1923 г. [ЦГАПДТ, ф. 4, оп. 1, д. 668, 1923 г., л. 19–19 об.] обсуждался вопрос о состоянии работ по ликвидации казахско-йомудской вражды. Докладчик Г. И. Карпов обрисовал исторические корни конфликта, главной причиной которого, по его мнению, была борьба за обладание колодцами и пастбищами. Он отметил, что в случае враждебных вспышек йомудов к ним следует применять «решительные действия», не опасаясь, что они уйдут в Персию, которая принимает к йомудам репрессивные меры. Есть опасность со стороны Хорезмской Республики: Джунаид-хан⁴, совершая налеты на казахов, провоцирует их нападать на всех туркмен без разбора. Г. И. Карпов указывал, что туркмены имеют очень смутное представление о Советской власти и привлечь их на свою сторону можно, оказывая экономическую помощь.

В Деле имеется «Воззвание к населению Йомудистана и киргизам⁵ Красноводского уезда» [ЦГАПДТ, ф. 4, оп. 1, д. 668, 1923 г., л. 44–44 об.], написанное Г. И. Карповым в 1923 г. На нескольких страницах он пытается доступным для простого человека языком объяснить, что Советской властью хочет примирить враждующие стороны и просит у населения совета, «каким путем можно устранить вражду в пользу обоих враждующих племен».

Обширный этнографический материал содержится в докладе Г. И. Карпова «Йомудистан. – В связи с существующей племенной рознью киргиз и йомудов». Совершенно секретно. 1923 [ЦГАПДТ, ф. 4, оп. 1, д. 668, 1923 г., л. 45–48 об.]. Доклад основан на полевых материалах, полученных Г. И. Карповым в ходе работы на местах, и исторических данных из литературы. Описаны территория расселения туркменской народности йомуд и отдельных «племен», входящих в ее состав (джафарбай, бехельке, ак, атабай 1 и 2), а также соседних казахов, образ жизни этих народов, связанный с занятиями подвижным скотоводством, рыболовством, торговлей. Даны статистические сведения о количестве населения на 1914 г., причем указано, что в Красноводском уезде «преобладающая национальность – йомуды». То есть Г. И. Карпов рассматривал йомудов не как одно из туркменских племен, а как народность, в свою очередь объединяющую несколько племен. Описаны социальный состав населения, бытовой уклад и черты материальной культуры. В разделе «Отношение населения к Советской власти» Г. И. Карпов подчеркивает, что Советы далеки от жизни в аулах, отношение местного населения к ним безразличное и основано на особенностях менталитета туркмен-йомудов, таких как идентификация власти с личностью начальника, уважение к почетным старцам, неприятие в качестве начальника представителя не своего, а другого племени. Далее автор останавливается на причинах междоусобицы казахов с йомудами. Это, прежде всего, споры скотовладельцев вокруг дележа пастбищ и колодцев, традиционные элементы «вольности»: взаимные набеги с угоном скота и грабежом контрабандистов, торгующих с Персией, а также вооружение населения в период Гражданской войны. Пытаясь найти способы умиротворения враждующих сторон, Г. И. Карпов опирается на нормы обычного права и социальные институты туркмен и казахов. Он делает вывод, что положить конец конфликтам мирным путем нельзя. В заключение Г. И. Карпов призывает ответственных работников выезжать на места, «сесть на верблюдов», изучать жизнь в аулах и завоевывать доверие населения.

⁴ Джунаид-Хан (1857–1938) – туркмен-йомуд, самый влиятельный лидер басмаческого движения Туркмении. С 1912 г. возглавлял сопротивление туркмен Хивинскому ханству, после революции организовывал военные действия против Советской власти.

⁵ Казахам до середины 1920-х гг. в литературе называли *киргизами*, а собственно киргизов – *каракиргизами*.

Краткий информационный доклад «О состоянии Красноводского уезда в связи с конфликтами киргиз – йомудов. К 25 мая 1923 г.». Секретно. [ЦГАПДТ, ф. 4, оп. 1, д. 668, 1923 г., л. 49–49 об.] дополняет предыдущий. В нем описаны родовая вражда отдельных йомудских племен между собой, сложные отношения йомудов с Персией, набеги-котла-маны⁶, в которых участвуют или от которых страдают йомуды. Отмечается слабость советской администрации, ее неспособность повлиять на ситуацию в уезде, перечислены социальные нужды местного населения.

В следующем докладе «О видах и предположениях Туркменобисполкома (по его решениям) на установление порядка – ликвидации конфликтов, возникающих среди йомудов, населяющих верхнее и нижнее течение реки Атрека. 25. 10. 1923. Совершенно секретно» [ЦГАПДТ, ф. 4, оп. 1, д. 668, 1923 г., л. 70–72] Г. И. Карпов остановился на мерах по разоружению йомудов. По его словам, туркмены-йомуды «прекрасно вооружены английскими и японскими винтовками последних выпусков, что заставляет нас предполагать их связь с англичанами через Персию». Йомуды указанного района «вооружены поголовно и при спорах между собой пускают в ход оружие. Количество оружия достигает 3–4 тыс. штук и население с требованиями власти (в вопросе разоружения) считается не желает». Местное население считает большевистскую власть бессильной бороться с ним, не допускает ее в свои расположения, при этом снабжает огнеприпасами своих сородичей, вовлеченных в борьбу с казахами. Йомуды транспортируют под сильную вооруженною охраной контрабандные грузы, следующие из Персии на север до Хорезма и обратно. Далее Г. И. Карпов ссылается на Н. Н. Йомудского, отмечая, что этот лидер хорошо знает «свой» народ, прав, конечно, когда отмечает ошибки большевиков, но он не желает сотрудничать с Обисполкомом, чтобы общими усилиями наметить правильную линию отношения к йомудам.

В деле «Доклады и переписка по борьбе с бандитизмом и охране внутреннего порядка в области. (Совершенно секретно). 17.01.1924 – 19.03.1924» [ЦГАПДТ, ф. 4, оп. 2, д. 858, л. 1–42] содержится три письма Г. И. Карпова партийному активу. Первое письмо (без названия и даты) подшито к протоколу № 1 от 17 января 1924 г. заседания Секретариата ЦК КП Турк., на котором слушался вопрос «О Хане Йомудском»⁷ [ЦГАПДТ, ф. 4, оп. 2, д. 858, л. 10–11]. Н. И. Карпов, в ту пору зам. председателя Облисполкома КПТ, хорошо знал этого энергичного и независимого человека. Из письма следует, что Йомудский, ранее сочувствовавший Джунаид-хану, был приглашен большевиками для работы в Ашхабаде. Он пользовался доверием у выборных лиц в волостях, населенных йомудами, которые подчинялись лично ему, но не были расположены к местным органам советской власти. Н. И. Карпов отмечает высокие амбиции Йомудского, его сильное влияние на йомудов, то, что он позволяет себе критику местных органов власти (ревкомов). Ревкомы, по мнению Йомудского, не учитывают этнические особенности населения, тратят не по назначению выделенные на образование деньги. В 1920-х гг. в Москве по инициативе Н. Н. Йомудского был создан Туркменский колледж, Г. И. Карпов называет его «культурным центром для йомудов» и с сожалением предполагает, что туда будет набираться «не беднота, а имущий класс».

В «Письме 3-ем (лично т. Бабакову⁸ и Тедженскому угоркому. г. Гинсбург⁹), 10.02.1924» [ЦГАПДТ, ф. 4, оп. 2, д. 858, л. 33–34] Г. И. Карпов касается проблем, свя-

⁶ Традиционные для туркменского общества вооруженные набеги с целью грабежа скота.

⁷ Николай Николаевич Йомудский (1868–1928) – общественно-политический деятель, пионер научных работ по этнографии туркмен, соратник Г. И. Карпова по этнографическому изучению туркмен и его оппонент по политическим воззрениям, по методам строительства «нового общества» среди туркмен, в частности народности йомуд [Васильева, 2003, с. 78–80].

⁸ Ответственный секретарь Туркменобкома КПТ [ЦГАПДТ, ф. 4, оп. 2, д. 858, л. 3].

⁹ Ныне Какинский этрап Ахалского ваялята Туркменистана.

занных с проведением сельскохозяйственной кампании и сбором налога. Он сообщает, в частности, что «настроение населения неважное, есть недовольство, обиды, особенно на ставки налога, тяжелые для бедноты, которая в большинстве оборвана, разута и материально не обеспечена, заработка нет, живут в убыток». Непрекращающиеся нападения на отдаленные аулы и грабеж мешают посевной кампании. За невыполнение налога арестовано 143 декхана, большинство – беднота.

Письмо 4-е (секретно, Душак Гинсбургской волости. 13.02.1924 – 9 ч. вечера. Лично т. Бабакову) [ЦГАПДТ, ф. 4, оп. 2, д. 858, л. 20–23] посвящено трем проблемам. Во-первых, это конфликты населения Гинсбургской волости с жителями приграничной территории Персии, которые пасут стада на туркменской земле, перекрывают туркменам воду и устраивают с ними вооруженные стычки. Вместе с тем в Гинсбургской волости, по оценке Г. И. Карпова, большинство населения занимается контрабандой, они доставляют грузы персидским и бухарским купцам. Во-вторых, описывается местный бандитизм – колтаматы. Шайки из Тедженского уезда¹⁰ грабят аулы, населенные небольшим племенем али-или, и могут оказать сопротивление милиции и Красной Армии. Г. И. Карпов пишет, что бандитизм развивается «на ниве родственной и племенной розни», берущей начало в прошлом и «основанной на чисто экономических взаимоотношениях, суть коих требует своего изучения». В-третьих, Г. И. Карпов останавливается на сборе сельхозналога, он призывает местные органы советской власти избегать арестов, которые настраивают население против большевиков. Кроме того, он настаивает на необходимости перевести делопроизводство с русского на местный язык, поскольку никто в аулах не может понять поступающих распоряжений, хотя требуется их исполнение.

Содержащиеся в этих делах ЦГАПДТ материалы интересны с историко-этнографической точки зрения, поскольку открывают неизвестные страницы жизни туркмен в годы Гражданской войны, их межплеменные отношения, особенности их сопротивления давлению Советской власти. Кроме того, эти материалы показывают становление Г. И. Карпова как этнографа-полевого в ходе его государственной службы.

В Научном архиве МАЭ РАН были обнаружены машинописные материалы, автором которых был Г. И. Карпов. Среди них машинописная рукопись: Карпов Г. И., Ахундов А. «Вакуфы» (исследования и документы). (Материалы к исследованиям истории туркменского народа). Ашхабад: Институт истории ТССР, 1937–1939 [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 538, с. 1–74]. Аналитическое «Введение» написано Г. И. Карповым [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 538, с. 3–12], а переводы самих документов с иранского и узбекского языков сделаны А. Ахундовым. Ваковые, или вакуфные документы были приобретены Институтом истории, языка и литературы Туркменского ФАН СССР в 1927–1928 гг. в Чарджоуской области (ныне – Лебапский велаят). Г. И. Карпов продолжил работу с собранными в ходе экспедиции документами, касающимися передачи собственности в вакф. Позднее была опубликована статья Г. И. Карпова и А. В. Башкирова [1945], которая по объему составляет около половины машинописного «Введения» Г. И. Карпова.

Ценность собранной Г. И. Карповым коллекции документов состоит в том, что на их основе можно сравнить мусульманский институт вакфов (или вакуфов) и местный адатный институт *силах-су*. Сам ученый внимательно проанализировал совпадения и различия между вакфом и *силах-су*. Ваkf означает в мусульманском праве имущество, переданное государством или отдельным лицом на религиозные или благотворительные цели. Ваkf как институт появляется в мусульманском мире уже в VII–VIII вв. Контроль за правильностью реализации вакфного имущества осуществлял кади¹¹ (или кази). Соз-

¹⁰ Тедженский этрап в Ахалском велаяте, зона расселения столичного племени ахалтеке и некоторых малочисленных племен, в частности али-или.

¹¹ Народный судья, разбиравший дела на основе шариата.

дание вакфа совершалось в письменном виде или путём публичного оглашения в мечети. Вакф вступал в силу немедленно и не мог быть отозван. Для управления вакфом назначался управляющий – *мутавалий* [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 538, с. 5]. Считается, что в среднеазиатских ханствах в конце XIX – начале XX в. в собственности вакфов находилось до половины обрабатываемой земли, но «в Туркмении они не приобрели такого исторического и экономического значения, какое они имели в Бухаре, Хиве и Иране», причем «территориально вакфы образовались в восточной части границ Туркменской ССР (Чарджоу) и являлись учреждениями, навязанными туркменам Бухарой...» [Карпов, Баширов, 1945, с. 41–42].

В машинописи отмечается, что «почти во всех вакуфных актах («вакуфнаме») обусловливалось, что мутаваллием (управитель, попечитель) оставалось лицо, делающее вакуф, – вакуфодатель. По смерти последнего в управление вакуфа вступал сын и другие потомки вакуфодателя» [Архив МАЭ. Ф. К-V. О. 1. Д. 538, с. 5]¹². По мнению ученого, мотивами, толкавшими население на превращение их имущества в вакуф, в основном были: 1) желание продлить «благотворительность» после смерти, 2) избежать непосильных налогов, 3) избежать отчуждения или репрессирования имущества и земель ханской властью и неустойчивость владения и прав частной собственности в бывших среднеазиатских ханствах» [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 538, с. 4–5].

Среди собранных документов встречаются как относящиеся к дореволюционному периоду (самый ранний датируется 1866 г.), так и к послереволюционному (самый поздний – 1919 г.), т.е. до проведения земельно-водной реформы. В советский период до 1927 г. действовал закон, который регламентировал институт вакфа, существовало и Главное вакуфное управление Туркестанской Республики на правах отдела Наркомпроса и отделы по вакуфу при местных исполнительных комитетах [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 538, с. 3–4]; см. также: [Фиолетов, 1927].

Г. И. Карпов обращает внимание на туркменский институт *силах-су*, который можно сопоставить с мусульманским вакфом. В машинописи он писал: «Нечто похожее на институт вакуфа можно видеть в *силах-су*, т.е. в дарении или выделении обществом нескольких паев воды, доход от которой поступал на содержание мечети или духовенства, обычно ишанов¹³. Но эта мера очень неохотно проводилась обществами и по бывшей Закаспийской области *силах-су* едва ли достигала и одного процента к общему количеству водных ресурсов у населения. При этом нужно отметить, что *силах-су* (дарение доходов и воды) носило временный, а не «вечный» характер, учреждалось *силах-су* не отдельными лицами, а целым обществом и имело ограниченный характер в его целевом назначении» [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 538, с. 6]. В период создания машинописного текста Г. И. Карпов видел в *силах-су* институт, прежде всего, обычного права. В то же время в статье 1945 г. делается упор на религиозное значение данного института: «*Силах-су* предназначалось духовным лицам, главным образом ишанам, а также на содержание бедных, отличаясь от вакфа некоторыми своими чертами. *Силах-су* по своему назначению совпадает с вакфом, это свидетельствует о прямом влиянии учения Мухаммеда на формирование религиозных воззрений и учреждений Туркмении; *силах-су*, в противоположность последнему, выделялось целой сельской общиной и по ее решению. <...> В то время как вакф отчуждался навсегда, *силах-су* по решению общества могло быть изъято из ведения духовных лиц и учреждений в пользу той же земельной общины» [Карпов,

¹² В архивном документе используется термин *вакуф*, тогда как в выверенном и хорошо отредактированном тексте статьи употребляется слово *вакф*.

¹³ Ишан – титул или прозвище, которым называют руководителей суфийских тарикатов (братств) и глав общин исмаилитов. Кроме того, в Средней Азии ишанами иногда считают представителей одного из родов, ведущих своё происхождение от пророка Мухаммеда [См. подробнее о туркменских ишанах: Туркмены, 2016, с. 380–385].

Баширов, 1945, с. 42]. Сравнение текста машинописи с текстом опубликованной статьи показывает, что мнение ученого по поводу сущности института *силах-су* изменилось в ходе более пристального изучения этого явления.

Кроме вакфа и *силах-су* в машинописи описан туркменский обычай *ходай-ела* (или *худаи-ела*) [божий путь], суть которого состоит в том, чтобы приглашать соседей на уборку урожая, его перевозку, стрижку овец и т.д. и при этом устраивать праздник и готовить угощение. Г. И. Карпов справедливо отмечал по этому поводу, что этот обычай имеет благотворительный характер и направлен на достижение хозяйственного эффективного результата. Как правило, замечает ученый, мероприятия устраивали состоятельные туркмены [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 538, с. 5–6]. Вероятно, это мнение исследователя излишне категорично. У народов Средней Азии, в частности у туркменов, известен обычай *хашар* – безвозмездные коллективные общественные работы [Кадыров, 2010, с. 230]. Согласно С.М. Демидову, коллективная помощь у туркменов называется *yowar* [Туркмены, 2016, с. 230]. В Средней Азии под словом *худаи* чаще всего подразумевают обряд жертвоприношения, сопровождающийся трапезой с молениями о благополучии [Брусина, 2001, с. 162].

Небольшая заметка Г. И. Карпова «Справка о тюрках-гагаузах, проживающих на Украине и в Бессарабии». Ашхабад, 1939 [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 541, л. 1–3] написана на основе сведений о гагаузах, почерпнутых из статьи Н.С. Державина [Державин, 1937]. Ученого в первую очередь привлекли «родовые названия этого народа и фамилии представителей последнего, чтобы сделать сравнение этих названий с существующими у туркмен, как у современных нам, так и у их предков». Г. И. Карпов приводит некоторые «замечания», стремясь подтвердить свою точку зрения о родстве двух тюркоязычных народов – гагаузов и туркменов. «Названия родов и фамилии у “кызылбашских” туркмен оканчиваются на ОГЛУ», а туркмены, «в частности салоры, теке, сарыки, считают себя потомками ОГУЗОВ и народом близким к команам (кипчакам)», причем торки и туркоманы, по данным русских летописей, входили в состав черных клобуков. В конце статьи от руки приписано: «Названия “Капчак” – соответствует – Кипчак; “Конгаз” – Кенегез; Бал-Бока-Бока есть у современных туркмен; то же самое – Чеммек и т.д.».

Ценность данного документа состоит в «замечаниях» Г. И. Карпова, который одним из первых пытался найти родственные связи между довольно удаленными друг от друга тюркскими народами – гагаузами и туркменами.

Документ «Там, где было царское имение. К истории колхоза “Большевик”, Байрам-Алийского района Туркменской ССРеспублики». Под общей редакцией Г. И. Карпова. Составители: Г. И. Карпов, Н. И. Камендровский, Н. В. Ку克林, А. А. Чечелев, А. И. Пусев и Л. Вережкина. Байрам-Али, 1934 [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 537, с. 1–96] представляет собой машинопись. Работа задумывалась как описание района древнего Мерва, Мургабского оазиса, где располагались земли колхоза «Большевик». Первая часть содержит сведения о дореволюционном и раннем советском периодах, в ней представлены разделы «Историческое прошлое района», «Изменения административно-территориального деления района в годы после революции 1917 г.», «Территория района и почвенные условия», «Родовые подразделения туркмен и национальных меньшинств в настоящих районах», «Государево имение: его возникновение и формы эксплуатации окружающего дайханства». Вторая часть «Коллективизация района. Характеристика местных условий и пережитков прошлого» написана агрономами и экономистами и содержит статистические таблицы, связанные с образованием колхозов и развитием сельского хозяйства.

Наибольший интерес представляет первая часть работы, где даются оригинальные материалы, полученные в местных архивах и непосредственно у населения. Исторический и этнографический материал, составляющий основу первой части, был собран Г. И. Карповым, его перу принадлежит и сам текст. Это краткие сведения о событиях

Гражданской войны и участия в них местного населения, формирование 28 аульных советов в Байрам-Алийском районе, о появлении в этом районе представителей «национальных меньшинств». Г. И. Карпов отмечает бесправие «белуджей, джемшидов, берберов» и других «восточных меньшинств», «пришельцев», которые, как бывшие рабы, в дореволюционные времена не имели права на землю и воду и «находились на положении издольщиков или батраков у местных баев, а в частности в Байрам-Алийском государевом имении у крупных арендаторов-туркмен и русских, арендовавших землю имения» [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 537, с. 14].

В работе приводится таблица «племенного и родового состава туркмен и других национальностей» на основе данных, собранных в 1933 г.: здесь представлены «племена» туркменов, берберов, белуджей, меджеуров (арабы) и их более мелкие подразделения: по терминологии документа – «ответвления», «роды», «колена и подколена» [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 537, с. 12–13]. Хотя «меджеуры» обозначены в данной таблице как «арабы», но это, видимо, свидетельствует лишь о сохранении исторической памяти об их происхождении, поскольку в дальнейшем они упоминаются как «туркмены-меджеурцы» [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 537, с. 20]. Примечательно, что до коллективизации отдельные родовые подразделения жили компактно «по отдельным водным каналам» [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 537, с. 14].

На вопрос, может ли «родовая община (группа)» стать готовой формой для создания колхоза, Г. И. Карпов дает отрицательный ответ, поскольку в таких колхозах власть захватывает родовая верхушка и эксплуатирует своих «сородичей», препятствуя «введению оплаты по трудодням» [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 537, с. 14]. Однако случаи формирования колхозов «по родовому принципу» были нередки, в частности таковым был вначале и колхоз «Большевик», члены которого практически все принадлежали к туркменскому племени *теке* ответвления *тохтамыш* рода *векиль*. «Посторонними» в этом колхозе были четыре хозяйства: два из числа аму-дарьинских туркмен «Арсари», одно из племени «Али-Или» (из района Каахка), и одно хозяйство председателя колхоза «Большевик» Ага-Юсупа, чей отец был персом, купленным в качестве раба «туркменами данного аула (рода) за пять рублей» [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 537, с. 15].

В разделе «Государево имение: его возникновение и формы эксплуатации окружающего дайханства» содержатся материалы о том, как происходило создание этого хозяйства и какое пагубное влияние «Мургабское государево имение»¹⁴ оказало на благополучие местных племен. По мнению Г. И. Карпова, это был «рассадник неприкрытой эксплуатации и пренебрежения к личности трудящегося туркмена» [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 537, с. 29].

Архивный документ «Там, где было царское имение ...» интересен для исследователей, поскольку содержит достоверные, основанные на полевых материалах данные о родоплеменном делении обитавших в этом районе народов, об особенностях местного обычного права в области земле- и водопользования, о специфике социальной стратификации в дореволюционный период, о своеобразии первых колхозных хозяйств, нередко основанных на «родовом принципе».

¹⁴ Мургабское государево имение в Мервском оазисе образовано по решению Александра III от 6 (18) авг. 1887 г. «из всех впусе лежащих земель по течению р. Мургаба, на которые, по сооружению плотины, известной под названием Султанбентской, будет возможно распространить орошение без ущерба для прочих, орошаемых уже водами этой реки, частей оазиса». Мургабское имение расположено в юго-восточной части Мервского оазиса, в области, некогда орошавшей Старый Мерв ирригационной сети. Площадь имения составляла около 80 000 десятин, т.е. около 87 400 га. Центр управления Мургабским имением находился у железнодорожной станции Байрам-Али Закаспийской железной дороги в Мервском оазисе [М(асальский), 1897]. Сохранились фотографии, сделанные в начале XX в. в Мургабском имении известным русским фотографом С.Н. Прокудиным-Горским. См. «Мургабское государево имение и древний Мерв – история в фотографиях» [<https://foto-history.livejournal.com/1647171.html> (дата обращения: 5.09.2019)].

Своеобразным развитием темы, затронутой в предыдущей работе, можно считать исследование Г. И. Карпова «Материалы к истории древнего Мерва и Мервской области (Маргианы)» Ашхабад. 1939 [*Архив МАЭ*, ф. К-V, оп. 1, д. 540, с. 1–25]. Здесь автор детально разбирает сведения об истории происхождения города (начиная с данных надписи царя Дария I, где упоминается область Маргу). Он приводит различные исторические наименования города (Моуру, Маргуш, Марг и др.) и области (Маргиана, Марвирот, Мервская, Марыйская) [*Архив МАЭ*, ф. К-V, оп. 1, д. 540, с. 2]. Царскими войсками Мерв был захвачен в 1884 г. и до 1917 г. являлся центром Мервского уезда Закаспийской (затем Туркменской) области.

На основании данных античных авторов, памятников иранской литературы, позднейших (XVI–XIX вв.) хивинских, бухарских и других источников Г. И. Карпов исследует население этого региона, отмечая, что «состав населения города Мерва и Мервской области менялся в зависимости от изменений в Маргиане и Северо-Восточном Хорасане, которые происходили в связи с политическими событиями в Иране и Хорезме в их историческом прошлом» [*Архив МАЭ*, ф. К-V, оп. 1, д. 540, с. 5]. Приводимые Г. И. Карповым источники свидетельствуют о высоком уровне развития города и окружающих его областей, а также о тех испытаниях, которые выпали на его долю в ходе нашествий различных завоевателей. Основной объем документа представляет собой полезное для историков собрание цитат из различных хроник.

Перу Г. И. Карпова принадлежит также документ «Гражданская война в Туркмении и ликвидация Закаспийского фронта (переработанная лекция, читанная Ашхабадскому партактиву)». Ашхабад. 04.10.1939. [*Архив МАЭ*, ф. К-V, оп. 1, д. 539, с. 1–45], содержащая две лекции. В первой «Гражданская война в Туркмении и ликвидация Закаспийского фронта» автор описывает предпосылки революционных событий, сообщает о восстании 1916 г. и жестокой расправе с населением; о развитии событий в Закаспии в 1917 г., ситуации в Ташкенте, тайной организации эсерами боевых дружин, взаимоотношениях большевиков и эсеров, роли английского правительства и других эпизодах. Интересны выдержки из разных докладных записок, где описывается деятельность контрреволюционных организаций в Туркестане [*Архив МАЭ*, ф. К-V, оп. 1, д. 539, с. 10].

После падения в 1918 г. Советской власти в Ашхабаде, по словам Г. И. Карпова, «эсеры, байы, ишаны, ханы и их агентура развернули среди аульного населения агитацию против большевиков» [*Архив МАЭ*, ф. К-V, оп. 1, д. 539, с. 18]. Автор останавливается на событиях, которые происходили в различных населенных пунктах Туркмении и привели к формированию Ашхабадского фронта, впоследствии названного Закаспийским, на стороне белогвардейцев с «англо-индийскими войсками», в результате которого английские офицеры стали решать судьбы Закаспия. Г. И. Карпов описывает важные события Гражданской войны (ликвидация «Оренбургской пробки», прибытие на фронт Фрунзе и Куйбышева и др.), приведшие к победе Советской власти в Туркмении.

Вторая лекция «Образование Туркменской Советской Социалистической Республики» [*Архив МАЭ*, ф. К-V, оп. 1, д. 539, с. 28–45], также датирована октябрём 1939 г. и написана к 15-летию юбилею ТССР. Интересна оценка автором международного и внутреннего значения национально-территориального размежевания в Средней Азии (1924–1925) как создавшего предпосылки для ликвидации «остатков фактического экономического и культурного неравенства» [*Гражданская война...*, 1939, л. 29–30]. Наиболее ценный материал содержится в завершающей части лекции, где автор описывает, из каких частей была образована ТССР (районы Закаспийской области, Хорезмской и Бухарской народных советских республик), с населением более 1 млн человек, из которых около 80% составляли туркмены. Г. И. Карпов дает краткую хозяйственную и политическую характеристику этих регионов, особо выделяя сохранявшиеся здесь «пережитки родоплемен-

ных организаций» [Архив МАЭ, ф. К-V, оп. 1, д. 539, с. 35–38 и след.]. Здесь автор сообщает собранные им оригинальные данные.

Осенью 1941 г. в Ашхабад была эвакуирована часть факультетов Московского университета. В 1942 г. на эвакуированном истфаке МГУ состоялась защита кандидатской диссертации Г. И. Карпова «Этнический состав туркмен» [Демидов, 2001, с. 68]. Переплетенный экземпляр (копия) рукописи этой диссертации обнаружена в зале диссертаций Научной библиотеки МГУ им. М.В. Ломоносова [Карпов, 1942]. Сама диссертация содержит 269 машинописных страниц (каждая глава имеет отдельную пагинацию); с ней вместе переплетены два экземпляра «Тезисов к диссертации», предваряющих и заключающих рукопись (3 стр.). Работниками библиотеки осуществлена сплошная нумерация страниц рукописи; далее ссылки даются по библиотечной пагинации.

Диссертация состоит из Введения, Выводов и шести глав, неравных по объему. Основную часть – две трети работы – занимает вторая глава «Родовые деления современных туркменских племен». Ее предваряет глава о союзах туркменов в прошлом, а завершают диссертацию небольшие разделы, посвященные степени перемешанности туркмен с другими народами (на основе сходства родоплеменных названий), родовым тамгам, возрасту родоплеменных групп и численному составу туркменских племен и родов. В приложении дан алфавитный список туркменских родов по племенам.

Основная задача Г. И. Карпова заключалась в том, чтобы как можно более полно представить родоплеменной состав туркмен как по литературным данным, так и по собственным полевым материалам. Для каждого родоплеменного названия любого таксономического уровня (племя – род – колено – подколено и т.д.) автор стремился найти исторических предшественников у древних авторов (Страбона, Геродота и др.), средневековых историков (Махмуда Кашгарского, Фахретдина Мубарак-шаха, Рашид-ад-дина, Салор-Баба, Абульгази), а также обнаружить сходные с туркменскими родоплеменные названия у других тюркских и ираноязычных народов. Прослежена история родоплеменных групп с возможно раннего времени вплоть до конца XIX в. В результате исследования Г. И. Карпов приходит к выводу, что родоплеменные названия современных туркмен совпадают с названиями союзов племен X–XI вв. и населения улусов XIV–XVII вв. и что «туркменский народ исторически сложился из древних кочевых иранцев, тюркомонголов и др., однако с преобладанием тюркского элемента» [Карпов, 1942, с. 3]. Современный же этнический состав туркмен представляет собой «результат длительных этнических смещений, получившихся в ходе военно-политических столкновений и экономической борьбы не только между отдельными туркменскими племенами, но и между народами, окружавшими их»; он «в конечном результате к XIX в. воссоединил в себе, начиная от самых древних, разнообразные этнические наслоения» [Карпов, 1942, с. 3, 242]. Для своего времени эти этногенетические выводы были новы: до 1930-х гг. было распространено мнение, что «предками современных туркмен были лишь турки-огузы, пришедшие из Центральной Азии» [Джикиев, 1977, с. 6]. Г. И. Карпов тщательно анализирует родовой состав каждого туркменского племени, сравнивает родовые наименования у разных народов (в частности, одна из глав посвящена сводке родовых названий одноименных у туркмен и у казахов) и прослеживает этническую историю каждого племени. Основываясь на солидном фундаменте собранных данных, он приходит к заключению, что каждое туркменское племя не составляет единую «кровнородственную» группу, происшедшую от того или иного предка, а «является союзом, сложившимся в историческом прошлом из представителей различных народов» [Карпов, 1942, с. 82–83].

Методика сбора полевого материала представляется обоснованной. Опрашивались в первую очередь старики-яшули, знатоки родословных своих родов и племен, родоплеменной иерархии и наименований. Г. И. Карпов привлек для сбора материала представителей власти на местах по всей Туркмении; он называет конкретные имена и должности

и тех, кто собирал материал, и информантов. Например: «В 1931 г. был послан в эти районы житель Серахского района, аула Караман Юсуп Еген-Мурадов для выяснения места расселения представителей племени баят и производства записей рассказов и шеджере по истории этого племени. Еген-Мурадовым записан на месте со слов рассказ Ноубат Новруза, жителя аула Сакар-Чирлак, участка Ходжа-Кала, Кагановического района (б. Старо-Чарджоуского) – старика 80 лет» [Карпов, 1942, с. 125]. Причем Г. И. Карпов оговаривает те случаи, когда ему или его информантам не удастся получить нужные сведения: «Я здесь привел о племени сакар те сведения, которые я сумел собрать о нем, – приводит Г. И. Карпов слова своего респондента. – Но каждый кишлак этого племени делится на 10 частей. Сведения о таких мелких родовых подразделениях я собрать не имел возможности» [Карпов, 1942, с. 140].

Кроме того, собранные сведения были перепроверены у знающих старейшин из разных родов. С полным основанием он мог упрекнуть предшественников, приводя свои материалы, например, по йомудам: «авторы, давшие сведения о родовых делениях йомутов, собирали их опросом и не во всех родах, а в каком-либо одном-двух. Полученные таким путем сведения о родовых делениях йомутов не проверялись. Бралось на веру полученное из одного источника, записывались сообщения одного-двух “знатоков”. Последние обычно, как мне пришлось убедиться, свой род считают “чистокровным”, “старшим”, впереди идущим и т.д., все остальные, по их заявлению, относятся к “второстепенным”, происходящим от раба, и численный состав последних дается обычно в преуменьшенном виде» [Карпов, 1942, с. 108–109].

Необходимо отметить, что работа с наименованиями родовых подразделений разного уровня, собранными Г. И. Карповым, потребует у будущего исследователя их историко-этнографической верификации. В рукописи диссертации очень часто встречается разное написание одних и тех же родоплеменных названий: теке – текке; йомуты – йомуты – йомуды; чаудоры – чоудоры – чавдоры; али-эли – али-или; нохурцы – нухурцы и т.д. Иногда сам Г. И. Карпов подчеркивает, что дает разные варианты произношения тех или иных родовых имен.

Интересны сведения Г. И. Карпова о взаимоотношениях родов, т.е. о родоплеменной самоидентификации. «Во многих случаях “яшули” (знатоки) и даже рядовые декхане-туркмены знают, кто из них принадлежит к “чистокровным” (*иг*), смешанной крови (*ярым*), к числу бывших рабов (*кул*, *догма*) или к господствующему сословию (*бояр*), к разряду людей “опекаемых” (*конши*, *караджа*) и т.д. В рассказах об истории родов нередко приводятся (и не без гордости) указания на то, что рассказчик принадлежит к старшему, “почетному” колену или роду, и с чувством обиды заявляют о своей принадлежности к роду не почетному, к категории не “чистокровных” и т.д.» [Карпов, 1942, с. 8].

По материалам Г. И. Карпова, гоклены называют своих соседей йомудов даи (старшие), а йомуды гокленов называют – еген (младшие). «“Старшинство”, присвоенное племени йомут, объясняется тем, что из этого племени в прошлом гоклены (младшие – “еген”) брали себе жен. Иначе говоря, родственники по матери считаются в данном случае старшими, а племя берущее, в данном случае гоклены (бравшие жен от йомутов), считаются младшими – “еген”». Подобные же родственные отношения Г. И. Карпов зафиксировал между некоторыми родами у племени теке по Тедженскому району [Карпов, 1942, с. 84]. Он приводит и другие факты, характеризующие иерархию родоплеменных взаимоотношений в сфере общественной жизни. Так, у текинцев перед открытием тоя спрашивают, если ли из присутствующих представитель племени кара-дашлы (язырь), и просят его занять почетное место рядом с устройтеlem праздника. То же у салоров: «пока не явится хотя бы мальчик из колена окурджуклы (огурджик), той не открывают. Окурджуклы и языри (карадашлинцы) считаются в данном случае как старшие, почет-

ные роды, первые в своем племени, а карадашлинцы по отношению к постороннему племени – теке» [Карпов, 1942, с. 110–111].

Значение диссертации для современных исследователей состоит в наличии объемного и еще далеко не полностью освоенного корпуса названий родоплеменных делений всех уровней клановой иерархии туркменов, собранных самим Г. И. Карповым. Он проделал огромную работу по сбору материала: за 20 лет (с 1922 по 1942 г.) собрал более 2500 названий родовых подразделений, 20 родословных, а также рассказы о происхождении и истории различных родов и племен.

Обнаруженные в российских архивах рукописи Г. И. Карпова позволяют проследить становление этого человека, прошедшего путь от простого работника и солдата до видного государственного деятеля, а затем до выдающегося ученого. Находясь на высших руководящих постах, Г. И. Карпов быстро осознал, что строительство советской системы в Туркмении невозможно без глубоких знаний в области истории и этнографии народа, без понимания их родоплеменных отношений, социальных и правовых институтов, их образа жизни, способов хозяйствования и экономического взаимодействия, без знания туркменского языка. Именно этим вопросам ученый посвятил свои научные исследования, постоянно держа в голове их практическую значимость для государственного управления. Расширяя свои научные знания, Г. И. Карпов углубился в историю и стал изучать проблемы этногенеза, развитие государственности и формирование родоплеменной структуры туркменского общества – для понимания происходивших на его глазах этнических процессов. Эти процессы он старался осмысливать как историк, с научной достоверностью описывая события Гражданской войны и сложности, связанные с установлением Советской власти в Туркмении. Историко-этнографический анализ ситуации, которой Г. И. Карпов был призван управлять, позволяли ему обнаруживать истинные подоплеку неудач и конфликтов, искать действенные механизмы их урегулирования, принимать верные управленческие решения. Осознавая необходимость получить максимально широкую этнографическую информацию, Г. И. Карпов сумел убедить руководство республики и организовать крупномасштабные обследования населения. Полученный материал стал бесценным вкладом в туркменоведение, никому после него не удавалось проводить такие массовые полевые исследования.

В те времена изыскания Г. И. Карпова были на грани допустимого, имея в виду советские политические установки, основанные на идеях классовой борьбы и постепенного формирования единой социалистической нации. Будучи убежденным сторонником Советской власти, Г. И. Карпов искренне надеялся улучшить и уточнить ее подходы к строительству «нового» общества, хотя результаты его историко-этнографических исследований вряд ли вписывались в идеологические концепции того времени. Сегодня выводы Г. И. Карпова не вызывают сомнений у историков и этнографов, занимающимся этногенезом и этнической историей туркменов, и в дальнейшем эти положения все более конкретизировались и уточнялись.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ / ARCHIVE MATERIALS

Научный архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук Ф. К.-V. [Scientific archive of Museum of Anthropology and Ethnography of Peter the Great (Kunstkammer) Russian Academy of Sciences. F. K.-V (in Russian)].

Центральный государственный архив партийных документов Туркменистана. Ф. 4. [Central state archive of party documents of Turkmenistan. F. 4 (in Russian)].

Карпов 1942 – Карпов Г. И. *Этнический состав туркмен*. Рукопись диссертации ... к.и.н. Ашхабад, 1942. [Karpov G. I. *Ethnic composition of the Turkmen*. Manuscript of the candidate thesis in History. Ashgabat, 1942 (in Russian)].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арчебасова Н. А. Царицынская губерния. *Большая российская энциклопедия*. Электронная версия, 2017 [Great Russian Encyclopedia. Electronic version, 2017] https://bigenc.ru/domestic_history/text/4673216 (accessed: 02.09.2019) (in Russian)].
- Бабаджанов Р. К вопросу расселения туркмен Тедженского оазиса в конце XIX – начале XX в. *Этнические процессы и хозяйство туркмен конца XIX – начала XX в.* Ашхабад: МВ ССО ТССР, 1982. С. 14–28 [Babadzhanov R. To the question of settlement of the Turkmen Tejend oasis in the late XIX – early XX century. *The Ethnic processes and the economy of Turkmens of the late XIX – early XX century*. Ashgabat: MV SSO TSSR, 1982. Pp. 14–28 (in Russian)].
- Басилов В. Н. Некоторые пережитки культа предков у туркмен. *Советская этнография*. 1968. № 5. С. 53–64 [Basilov V. N. Some remnants of the cult of ancestors of the Turkmen people. *Soviet Ethnography*. 1968. No. 5. Pp. 53–64 (in Russian)].
- Ботяков Ю. М. Аламан: социально-экономические аспекты института набега у туркмен (середина XIX – первая половина XX в.). СПб.: МАЭ РАН, 2002 [Botiakov Yu. M. Alaman: socio-economic aspects of the institute RAID in Turkmen society (mid XIX – first half XX century). Saint Petersburg: MAE RAS, 2002 (in Russian)].
- Брусина О. И. Славяне в Средней Азии. *Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века*. М.: Восточная литература, 2001 [Brusina O. I. Slavs in Central Asia. *Ethnic and social processes. Late XIX – late XX centuries*. Moscow: Vostochnaia literatura, 2001 (in Russian)].
- Васильева Г. П. Этнические компоненты в составе туркмен по данным этнографии. *Проблемы этногенеза туркменского народа*. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 95–108 [Vasil'eva G. P. Ethnic components in the composition of the Turkmen on the data of Ethnography. *Problems of ethnogenesis of the Turkmen people*. Ashgabat: Ylym, 1977. Pp. 95–108 (in Russian)].
- Васильева Г. П. *История этнографического изучения туркменского народа в отечественной науке*. М.: Наука, 2003. [Vasil'eva G. P. *History of ethnographic studies of Turkmen people in the national science*. Moscow: Nauka, 2003 (in Russian)].
- Винников Я. Р. К этнической истории туркменского населения Чарджоуской области. *Проблемы этногенеза туркменского народа*. Ашхабад: Ылым, 1977. С. 109–116 [Vinnikov Ia. R. To the ethnic history of the Turkmen population of Chardzhou region. *Problems of ethnogenesis of the Turkmen people*. Ashgabat: Ylym, 1977. Pp. 109–116 (in Russian)].
- Демидов С. М. *Туркменские овлады*. Ашхабад: Ылым, 1976 [Demidov S. M. *The Turkmen owladi*. Ashgabat: Ylym, 1976 (in Russian)].
- Демидов С. М. Г. И. Карпов – историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана. *Вестник Евразии*. 2001. № 3 (14). С. 47–85 [Demidov S. M. G. I. Karpov – historian, ethnographer and public figure of Turkmenistan. *Bulletin of Eurasia*. 2001. No. 3 (14). Pp. 47–85 (in Russian)].
- Демидов С. Трагическая и прекрасная судьба историка. Хроники, часть 2. 05.05.2003. *Свободный Туркменистан* [Demidov S. Tragic and beautiful, the fate of the historian. Chronicles, part 2. 05.05.2003. Free Turkmenistan. <http://www.erkin.net/news/chronicle2/news689.html> (accessed 10.01.2018) (in Russian)].
- Державин Н. С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов. *Советская этнография*. 1937. № 1. С. 80–87 [Derzhavin N. S. On the name and ethnicity of the Gagauz. *Soviet Ethnography*. 1937. No. 1. Pp. 80–87 (in Russian)].
- Джикиев А. *Очерк этнической истории и формирования населения Южного Туркменистана. (По этнографическим данным)*. Ашхабад: Ылым, 1977 [Dzhikiev A. *Essay on ethnic history and formation of the population of southern Turkmenistan. (According to ethnographic data)*. Ashgabat: Ylym, 1977 (in Russian)].
- Дурдыев М. Б. *Основные этапы этногенеза туркменского народа (в помощь лектору)*. Ашхабад: Ылым, 1988 [Durdyev B. *The Main stages of the ethnogenesis of the Turkmen people (to help the lecturer)*. Ashgabat: Ylym, 1988 (in Russian)].
- Кадыров Ш. *Российско-туркменский исторический словарь*. В двух томах. Т. 1. Берген, 2001 [Kadyrov Sh. *Russian-Turkmen historical dictionary*. In two volumes. Vol. 1. Bergen, 2001 (in Russian)].
- Кадыров Ш. *Нация племен. Этнические истоки, трансформация, перспективы государственности в Туркменистане*. М.: ИАФ. РАН, 2003 [Kadyrov Sh. *A Nation of the Tribals. An ethnic sources, transformation and future of the Stats in the Turkmenistan*. Moscow. IAF. RAS, 2003 (in Russian)].

Кадыров Ш. *Тайны туркменской демографии: проблемы, пробелы, фальсификации*. М.: ИВ РАН, 2009 [Kadyrov Sh. *Mysteries of Turkmen demography: problems, gaps, falsifications*. Moscow: Inst. Of Oriental Studies of the RAS, 2009 (in Russian)].

Кадыров Ш. *Многоликий туркменчилик. Этнографические очерки, понятия и термины*. М., ИВ РАН – IFECAS, 2010 [Kadyrov Sh. *Many Faces of Turkmenchilik. Ethnographic sketches, concepts and terms*. Moscow: IO RAS – IFECAS, 2010 (in Russian)].

Карпов Г. И., Башкиров А. В. Вақф и силах-су. *Известия Туркменского филиала АН СССР*. 1945. № 5–6. С. 41–45 [Karpov, G. I., Bashkirov A. V. Waqf and silah-su. *News of the Turkmen branch of the USSR Academy of Sciences*. 1945. No. 5–6. Pp. 41–45 (in Russian)].

Косвен М., Толстов С. Г. И. Карпов (1890–1947). *Советская этнография*. 1947. № 3. С. 161–165 [Kosven M., Tolstov S. G. I. Karpov (1890–1947). *Soviet Ethnography*. 1947. No. 3. Pp. 161–165 (in Russian)].

М(асальский) В. (И). Мургабское Государево имение. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. 1897. Т. XX. С. 207 [M(asalsky) V. (I). Murgab Tsar's estate. *Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary*. 1897. Vol. 20. P. 207 (in Russian)].

Минх А. Н. *Историко-географический словарь Саратовской губернии*. Саратов: Типография губернского земства, 1900. Т. 1 [Minkh A. N. *Historical and Geographical Dictionary of the Saratov Governorate*. Saratov: Tipografiia gubernskogo zemstva, 1900. Vol. 1 (in Russian)] <http://elbib.shpl.ru/ru/nodes/16380-t-1-yuzhnye-uezdy-kamyshinskiy-i-tsaritsynskiy-vyp-2-lit-d-k-prodolzhenie-1900#mode/inspect/page/209/zoom/6> (accessed: 02/09/2019).

Нурмухамедов К. *Этнические процессы и расселение туркмен в XVIII–XIX веках. (Учебное пособие для студентов исторических факультетов вузов)*. Ашхабад: ТГУ, 1979 [Nurmuhamedov K. *Ethnic processes and settlement of Turkmens in XVIII–XIX centuries. (Textbook for students of faculties of history in higher education)*. Ashgabat: TGU, 1979 (in Russian)].

Туркмены. Отв. ред. Н. А. Дубова. М.: Наука, 2016 [The Turkmen. Ed. N. A. Dubova. Moscow: Nauka, 2016 (in Russian)].

Фиолетов Н. Н. Вакуфное право. *Большая Советская энциклопедия*. 1-е изд. М.: БСЭ, 1927. Т. 8. Буковые–Варле. Стлб. 608–610. [Fioletov N. N. Waqf law. *The Great Soviet Encyclopedia*. 1st ed. Moscow: Great Soviet Encyclopedia, 1927. Vol. 8. Bukovye–Varle. Cols. 608–610 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

БРУСИНА Ольга Ильинична – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия.

НАУМОВА Ольга Борисовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия.

РОЩИН Михаил Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, Россия.

СОЛОВЬЕВА Любовь Тимофеевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия.

Olga I. BRUSINA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Moscow, Russia.

Olga B. NAUMOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Moscow, Russia.

Mikhail Yu. ROSHCIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the RAS, Moscow, Russia.

Lubov T. SOLOVYIEVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS, Moscow, Russia.